

Говорят, что городок Тунло был построен у подножия горы, а в горах находилась деревня Тецяо.

Ни деревня, ни городок не добывали медь и не плавил желез. Однако в беспокойные времена, когда повсюду бушевали войны, медь и желез стали ценными ресурсами, и даже в этих глухих местах люди пытались придать себе значимости, используя их названия.

В деревне Тецяо не было ничего особенного, кроме одной горы и одной реки. Река была не слишком большой, но весенние паводки поднимали высокие волны, которые бурно текли, пока не достигали деревни, где их течение замедлялось.

Осенью, к счастью, удалось собрать хороший урожай.

Как и во всей бедной деревне, у дровосека на окраине не было ничего, кроме жены-красавицы. Но с годами красавица превратилась в старуху, и сегодня, как обычно, она отправилась к реке стирать бельё.

Вдруг по течению проплыла тёмная тень, то поднимаясь, то опускаясь, пока не застряла среди сухих тростников. Женщина подумала, что это тело, плывущее сверху, и, посчитав это дурным знаком, хотела уже отойти. Но, присмотревшись, она поняла, что это деревянная фигура.

Она перевернула деревянное изваяние, чтобы увидеть его лицо, и ахнула:

— Какой красавец!

В тот вечер, вернувшись домой, дровосек обнаружил, что его жена спрятала красивого мужчину. Вытащив его на свет луны, он увидел, что это деревянная статуя, и остолбенел.

— Где ты это нашла?

— В реке.

Дровосек постучал по статуе и, услышав звонкий звук, сказал:

— Разрубим и продадим. Зимой меньше голодать будем.

— Нет! — защитила статую женщина. — Это божество, нельзя его рубить!

Простая деревенская женщина, не имея образования, считала, что деревянная статуя, так живо выглядящая, с опущенными глазами и мирным выражением лица, была добрым божеством.

— Это просто деревянная статуя, а не божество, — вздохнул дровосек. — Без имени никто не станет её почитать, только как дрова использовать.

— Жалко рубить, — прошептала женщина, протирая лицо статуи кожей. — Может, оставим её дома и будем молиться ей, прося защиты?

— Богов уже давно нет. Если бы они существовали, почему они не помогли бы нам в нашей бедности? — вздохнул дровосек. — Лучше продать её и купить немного муки.

Ночью дровосек взял топор, блестящий и острый, и ударил им по колену статуи.

Раздался звонкий звук, и дровосек упал на землю, кровь хлынула из его ноги. Женщина,

плачущая в доме, услышала шум и выбежала наружу, увидев ужасную сцену.

Топор раскололся пополам, одна часть отлетела и поранила ногу дровосека, а другая воткнулась в землю. Деревянная статуя осталась невредимой, покотившись несколько раз и повернувшись лицом к луне.

Мирная улыбка исчезла. Его лицо начало искажаться, брови нахмурились, губы сжались, выражая замешательство. Лунный свет, падая на его лицо, создавал странные тени, делая его ещё более жутким.

— Привидение! — закричал дровосек.

Статуя, казалось, была удивлена криком, и её выражение снова изменилось.

Он был в замешательстве. Проснувшись и обнаружив, что не может двигаться, он почувствовал панику. Все его чувства исчезли, только слух продолжал передавать информацию из внешнего мира.

Самое странное было то, что он даже не знал, кто он такой.

Его голова была пуста, за исключением одного — он знал, что его зовут Му Цинцзя.

Из разговоров супругов он узнал, что он — деревянная статуя, которая вот-вот будет разрушена и сожжена в огне.

Как же тяжела жизнь... нет, деревянная жизнь.

Когда топор со свистом опустился, Му Цинцзя хотел откатиться, хотел объяснить, но его тело было словно тюрьма для его души. Как бы ни боролся его дух, тело оставалось неподвижным, холодно принимая смерть.

Ладно, утешал он себя. Что такое жизнь, и чем она отличается от смерти? В конце концов, он всего лишь спокойная деревянная статуя, и не стоит об этом думать.

После громкого удара он остался невредимым, не почувствовав боли.

Хорошо, что его оболочка пока не может умереть.

Плохо, что он обнаружил, что у него нет не только боли, но и других чувств. Ещё хуже было то, что супруги, испугавшись, собирались позвать на помощь.

...Ладно, это уже большая удача. Му Цинцзя снова подумал с оптимизмом, что теперь он неуязвим, и другие могут только завидовать.

Слышны были шаги, приближающиеся со всех сторон. Спокойный голос спросил:

— Даг, что случилось в такой поздний час?

Даг, тот самый дровосек, в страхе ответил:

— Эта деревянная статуя! Это привидение! Нет, демон! Её лицо меняется, она хочет съесть людей!

Теперь понятно. Му Цинцзя обрадовался, поняв, что может управлять своим лицом. Он с

трудом улыбнулся, пытаясь показать, что он безобиден.

Но для деревенских жителей, в свете факелов, улыбка статуи выглядела зловеще, словно она предупреждала: я начну есть людей.

Сельскохозяйственные инструменты упали на землю, и деревенские жители, никогда не видевшие подобного, в панике отступили, оставив только старого старосту, который, подумав, бросил факел в статую.

Пламя отскочило, как испуганная птица, и на груди Му Цинцзя появился магический круг, поглотивший огонь.

Затем две золотые бабочки выпорхнули из круга, поднялись в воздух и рассыпались золотой пылью.

Му Цинцзя ничего не понимал, только почувствовал, что его грудь немного нагрелась.

Деревенские жители снова закричали, но староста поднял руку и сказал:

— Здесь ничего не случилось, все идите домой. Я обещаю, что всё будет в порядке.

Люди медленно разошлись, а Даг, дровосек, робко спросил:

— Староста, что вы думаете об этом?

— По-моему, это не привидение, не демон, не человек и не божество, — сказал староста, поглаживая свою седую бороду. — Я не знаю, что это, но оно безвредно. Достаточно унести его из деревни Тецяо, и всё будет в порядке. Даг, раз твоя жена нашла его, ты и вынеси его из гор.

— Что? — удивился Даг.

— Не бойся, — похлопал его по плечу староста. — Нашу деревню защищает божество.

— Божество действительно существует? — невольно спросил Даг.

Глаза старосты помутнели:

— Пятьдесят лет назад деревня Тецяо ещё не называлась так. Здесь были плодородные земли, и за один год собирали два урожая риса. Хотя сейчас всё изменилось, я всё ещё верю, что она здесь.

Божество... Му Цинцзя услышал это знакомое слово, и в его голове возник образ человека в чёрном, летящего на мече. Он взмахнул мечом, и горы превратились в ущелья.

Он, возможно, знал божество. Му Цинцзя смутно подумал.

На следующее утро женщина, плача, завернула Му Цинцзя в одеяло, которое сама сшила, и Даг понёс его в путь. Дровосек тяжело дышал, а Му Цинцзя наслаждался тишиной, слушая пение птиц и определяя их виды, мысленно напевая в такт шагам Дага.

Слух стал его единственной связью с миром, и знания, накопленные в прошлом, начали возвращаться вместе со звуками.

Сначала Даг шёл осторожно, но со временем, убедившись, что ничего страшного не

происходит, стал разговаривать. Он рассказывал о плохих урожаях, о том, как становится всё меньше леса, как они голодают зимой, и как его жена не может родить ребёнка... Сильный мужчина даже начал всхлипывать.

Му Цинцзя, хотя и чуть не погиб от его руки, хотел и посмеяться, и проявить сочувствие. В конце концов, Даг не знал, что в деревянной статуе может жить душа, способная чувствовать.

Он хотел сказать: «Если леса мало, можно вырезать фигурки и продавать их в городе», хотел сказать: «Если не можешь завести ребёнка, возьми приёмного», но мог только вздохнуть в душе.

Даг оставил Му Цинцзя на дороге в городок Тунло, плотно завернул его в одеяло, поклонился и сказал:

— Сегодня мне нужно идти за дровами, иначе жена будет голодать. Я оставляю вас здесь.

Шаги Дага постепенно затихли, и Му Цинцзя остался один, размышляя о своём будущем. Вскоре он услышал стук колёс и ржание лошадей — похоже, мимо проезжала богатая семья.

<http://bllate.org/book/16250/1461181>